

Алексей Пушков:

«РОССИЯ СПОСОБНА БЫТЬ БАЛАНСИРУЮЩЕЙ СИЛОЙ
В МЕЖДУНАРОДНЫХ ДЕЛАХ»

Успешность российской внешнеполитической линии — тема для жарких дискуссий как внутри страны, так и за ее пределами. Эта линия реализуется в условиях широкого спектра международных вызовов и проблем — от сирийской ситуации до эрозии глобального порядка, реакция на которые требует взвешенного, твердого и инициативного подхода. Вместе с тем выдвигаемые Россией на мировой арене инициативы нуждаются в постоянном и глубоком осмыслении на предмет их эффективности и целесообразности в долгосрочной перспективе.

Практическую реализацию национальных интересов и приоритетов России в меняющемся мире главный редактор журнала Индекс Безопасности Владимир Орлов обсуждает с председателем Комитета Государственной Думы ФС РФ по международным делам Алексеем Пушковым в эксклюзивном интервью.

ОРЛОВ: Полтора года Вы занимаете должность председателя Комитета Государственной Думы по международным делам. Также прошел уже год с небольшим, как В. В. Путин возобновил руководство страной и ее внешней политикой. Какие за этот промежуток времени Вы видите внешнеполитические прорывы у России и наиболее крупные внешнеполитические провалы?

ПУШКОВ: Начну с того, что крупных провалов не видно. На мой взгляд, устойчивость и успешность российской внешней политики следует измерять не относительно несуществующего идеала, а относительно первых постсоветских лет — это и было время тотального внешнеполитического провала по всем позициям.

С тех пор в российской внешней политике произошла существенная стабилизация и были достигнуты значительные результаты. Правда, нашим последним неправильным решением, которое привело к серьезным последствиям и которое было в полной мере осознано Россией, было решение *воздержаться* по резолюции № 1973 по Ливии. Стало окончательно ясно, что, идя в фарватере американской политики интервенций, Россия проиграет точно так же, как в 1999 г., когда в итоге поддержала НАТО в войне в Югославии. Поэтому сейчас Россия трижды голосовала против резолюций по Сирии, которые могли бы дать основания для военной операции против законного сирийского правительства.

Большим успехом российской внешней политики, на мой взгляд, является как раз решимость твердо стоять на своей позиции по Сирии, не давая санкции

Совета Безопасности ООН на любое внешнее вмешательство и, тем более, на военную интервенцию в Сирию. Здесь мы пользуемся последовательной поддержкой Китая. В Москве и Пекине понимают, что в Сирии решается вопрос не только о будущем самой страны и региона, но и то, каким будет миропорядок в ближайшие 10–15 лет.

Миропорядок, который утвердился после бомбардировок в 1999 г. Белграда, был чрезвычайно деструктивным и разрушительным. Это был миропорядок, в котором стали возможны агрессия против Ирака на основании ложных данных о наличии у государства оружия массового уничтожения, секретные тюрьмы, похищения людей, содержание подозреваемых без суда и следствия в тюрьме Гуантанамо, пытки, которые администрация Дж. Буша-младшего пыталась превратить в норму.

В это же время по вине США началась резкая деградация системы международного права и всей системы международных отношений. Выстроенная в прежние годы система балансов была поставлена под вопрос. А в ситуации нарушенных балансов Россия не выиграет: это выгодно только США, которые по-прежнему, несмотря на свое относительное ослабление, претендуют на роль общемирового гегемона, а также их ближайшим союзникам. Поэтому главный успех нашей внешней политики состоит в том, что мы сумели вплоть до осени 2013 г. удерживать внешние силы от прямого вмешательства в дела Сирии и настоять на том, чтобы не дать согласия Совета Безопасности ООН на легитимизацию вторжения в эту страну.

Другой крупный успех нашей внешней политики — образование Таможенного союза. Это качественный сдвиг в положении дел на постсоветском пространстве и начало интеграции при ведущей роли России. При всех сложностях этого процесса дело постепенно идет и к созданию Евразийского Союза. Не случайно Хиллари Клинтон накануне своего ухода в отставку не сдержалась и сказала, что за этими объединениями скрывается попытка восстановления СССР и что американцы будут бороться всеми способами против этого. Это само по себе доказывает значимость и серьезность нашего проекта. Если Евразийский союз вызывает геополитическую дрожь у людей, относящихся к нашей стране без всякой симпатии, значит, его создание действительно можно отнести к числу наших успехов.

К числу успехов я бы также отнес углубление сотрудничества по линии БРИКС. Наши западные друзья постоянно доказывают, что в БРИКС входят абсолютно разные страны, имеющие мало общего, что это случайное объединение. На самом деле это объединение стран, которые недовольны доминирующей ролью одной державы в современном мире и которые считают, что мир должен быть действительно многополярным, а им должна принадлежать более весомая роль в определении характера мирового развития и хода мировых событий. На каком-то этапе к членам БРИКС могут присоединиться и другие новые экономические лидеры, например, Индонезия. Убежден, что БРИКС имеет хорошие перспективы. Пока она носит в основном консультативный характер, но в условиях, когда однополярный мир обречен, она способна сыграть важную роль.

Сегодня многое зависит от того, сколько еще Соединенным Штатам нужно будет крупных потрясений и конвульсий, чтобы окончательно осознать, что они не способны в одиночку руководить этим миром. Так было с Римской империей, империей Дария, Испанией, которая была ведущим государством Европы в XVI–XVII вв., затем с Францией, Великобританией и Германией. США как новый гегемон также не могут избежать падения. Они смогут сохранить позиции в качестве одной из двух-трех ведущих держав мира — это реалистичная задача, она под силу американцам, но если они продолжат и дальше бороться за положение

гегемона, это может закончиться плачевно для них самих. Закон *перенапряжения сил*, который был выведен профессором Полом Кеннеди в книге «The Rise and Fall of Great Powers», никто не отменял.

Сегодня мир находится на этапе перехода от однополярного мира к многополярному — этот переход будет очень непростым. США будут пытаться сохранить свою роль, потому что в обозримой перспективе они будут превосходить другие страны по многим параметрам — по военному, информационному, научно-техническому потенциалу. Да и американская экономика остается пока первой в мире: ВВП Соединенных Штатов составляет 14,5 трлн долл., тогда как у Китая — 6,5 трлн долл. Так что Америка еще долго будет лидирующим государством, но ее лидерство будет подвергаться эрозии. В силу этого мы и находимся на переходном этапе.

Конечно, еще будут ситуации, когда возникнет ощущение, что США успешно подтверждают свою гегемонию, но американцы уже продемонстрировали неспособность справиться с крупнейшими мировыми кризисами, например, с северокорейской ядерной программой. Единственное, что они могут предложить в качестве ответа на возможную иранскую ядерную программу — это военный сценарий, поскольку иным путем не способны решить этот вопрос, однако и этот путь не гарантирует успеха. Более того, и в части *мягкой силы* Соединенные Штаты теряют все больше и больше — они потеряли ореол государства, которое борется за идеалы демократии, свободы, прав человека.

ОРЛОВ: Перейдем к Ближнему Востоку. Сирия сейчас станет *лакмусовой бумажкой* пределов американских возможностей. И здесь интересна роль России, потому что существует два подхода к ее возможному поведению в этом регионе. Первый подход — активность, потому что в Сирии и вокруг Сирии идет битва за будущее мира, о которой Вы сказали. Второй подход — невмешательство, потому что это может вытянуть из нас ресурсы, а региональные игроки нами будут манипулировать, решая свои задачи за счет противопоставления нас и американцев, и мы с этого в итоге ничего не получим. Где должна быть Россия?

ПУШКОВ: Прежде всего пора окончательно расстаться с концепцией, которую долго предлагало нам либеральное крыло российского политического класса и которую называли *доктриной последних рубежей*. Суть ее в том, что Россию ничего не должно волновать, кроме так называемых *последних рубежей*: стран СНГ, особенно Украины и Белоруссии, находящихся у наших географических и стратегических границ. Вот эти границы мы должны защищать, остальное — не наше дело.

Однако проблема в том, что когда вы отказываетесь от защиты своих интересов далеко от своих границ, потом вы уже начинаете уступать и в непосредственной близости от них. Сначала нас убеждали, что нас не должно волновать вступление Польши, Венгрии и Чехии в НАТО, и затем в НАТО вступили уже страны Балтии. Потом заговорили о возможном вступлении в НАТО Украины и Грузии, и Михаил Саакашвили, надеясь на помощь американцев и Североатлантического альянса, даже начал против нас войну. Таким образом, доктрина *последних рубежей* — это попытка оправдания внешнеполитического бессилия.

Как только мы расстанемся с этой доктриной подчинения российских национальных интересов национальным интересам США или, шире, интересам евроатлантического сообщества, выяснится, что Сирия для нас исключительно важна. Смена сирийского режима военным путем, как в Югославии, Ираке, Ливии,

Ю
ь
в
р
е
т
н
и

не отвечает нашим интересам. И у нас есть выбор, какую форму защиты наших интересов избрать.

Как представляется, Россия не должна воевать в Сирии. Опыт втягивания в такие войны у нас есть — это в первую очередь крайне негативный афганский опыт. Посылать наших солдат воевать в другие страны мы не должны. А вот посылать наших солдат в качестве миротворцев, играющих сдерживающую роль, особенно в рамках мандата ООН, мы должны. Мы играли эту роль в Южной Осетии и, на мой взгляд, должны были, хотя и не решились, сыграть эту роль в Киргизии в 2010 г., когда там начались кровавые межэтнические столкновения.

В Сирии же мы должны оказывать ту степень военно-технической и военно-политической поддержки действующего правительства, которую можем оказать. Ведь совершенно очевидно, что в Сирии речь идет не о борьбе за демократию и права человека — уже и так ясно, что за вооруженной оппозицией и боевиками стоят силы, связанные с международным терроризмом, включая *Аль-Каиду* и организации, которые организуют взрывы в Ираке, Триполи, Бенгази и ведут войну в Мали. Сегодня они идут на Дамаск с лозунгом «алавитов в могилы, христиан — в Бейрут!». При этом следующей остановкой после Дамаска они считают Багдад, где тоже хотят убрать шиитов от власти.

Тем не менее США, Великобритания и Франция делают однозначный выбор в пользу поддержки боевиков. Из этого я делаю вывод, что речь идет не о свободе, не о демократии, не о процветании Сирии, а об операции по свержению законного режима в Сирии и поддержке радикального суннитского движения. Вольная эта поддержка или невольная — это меня совершенно не волнует, де-факто это осознанная поддержка радикальных суннитов, которых, видимо, Соединенные Штаты надеются контролировать.

Не думаю, что американцам это удастся, как в свое время им не удалось контролировать *Талибан* и ливийских боевиков. Я думаю, что это политика не просто неправильная, но и вредоносная для самих США. Свержение режимов, основанное на убежденности, что любой режим, который придет на смену, будет лучше, и помноженное на провалившуюся попытку создать вокруг Израиля *кокон* безопасности, уже привело к ухудшению ситуации. Когда уравнивавший Иран режим Садда Хусейна был ликвидирован, наиболее антиизраильское государство в этом регионе превратилось в региональную сверхдержаву. Та же история с проведением в Секторе Газа выборов, с Египтом, который после свержения Хосни Мубарака стал более опасен для Израиля — все это негативные последствия американского подхода. И в Сирии все приведет к прямо противоположным результатам.

Я считаю, что американцы вместе с французами и британцами проводят предельно идеологизированную политику, которая не учитывает местные реалии. Важно понимать, что в Сирии речь не идет о демократии, свободе и политической модели, она идет о грубом, силовом захвате власти. Потому я и считаю, что Россия должна оказывать максимальную военно-техническую и военно-политическую помощь официальному Дамаску, на какую она способна, но не втягиваясь напрямую в войну.

ОРЛОВ: От Ближнего Востока перейдем к СНГ. Вы сказали, что нет провалов в нашей политике. Да, Таможенный союз — шаг в правильном направлении, но ведь СНГ гораздо шире. Сюда входит и ОДКБ, которая, как мы говорим, должна стать вровень с НАТО, но сами же в это не верим. А ведь Россия должна отвечать за этот проект. Как быть здесь?

ПУШКОВ: Мне кажется, что Россия и страны, входящие в ОДКБ, по-разному видят смысл этой организации для себя. Для России это организация регио-

нальной безопасности, которая родилась во многом из-за необходимости реагировать на расширение НАТО и понимания того, что если не будут созданы структуры безопасности с прямым участием России и при ее ведущей роли, то на постсоветском пространстве будут созданы другие структуры безопасности, в которых ведущую роль будет играть альянс.

В то же время для ряда среднеазиатских руководителей ОДКБ играет роль организации, способной их застраховать в случае какого-то крупного внутриполитического движения — против *среднеазиатской весны*, грубо говоря. Они усматривают в ОДКБ возможный источник защиты от радикальных внутренних оппозиционных движений. А поскольку радикальные внутренние движения в Средней Азии всегда существуют в исламистской форме, то речь идет о защите против воинствующего ислама.

По этим причинам Узбекистан в свое время вступил в ОДКБ и сейчас вышел, потому что, судя по всему, по мнению руководства Узбекистана, там сейчас прямой угрозы воинствующего ислама нет и можно попытаться наладить сотрудничество с США. Правда, опыт показывает, что американцы по возможности захотят заменить Ислама Каримова человеком, который будет ближе к ним, будет представлять новое поколение политиков, как они заменили Эдуарда Шеварднадзе Михаилом Саакашвили в Грузии.

Получается, что для России альтернативы ОДКБ нет, а для государств, входящих в ОДКБ, за возможным исключением Белоруссии и Армении, есть альтернатива в виде военно-политических связей с США, которая основывается на опасениях диктата со стороны России. К тому же им нет смысла особо развивать эту организацию, потому что, если очень будет нужно, Россия все равно придет на помощь.

Получается, что ОДКБ зиждется не на четкой и ясной основе региональной безопасности, а на игре: да, основной союз с Россией, но в качестве источника материальной выгоды подразумеваются военно-политические отношения с США и Североатлантическим альянсом. Думаю, что все это объективно подрывает готовность этих стран к тому, чтобы развивать ОДКБ. Напротив, у среднеазиатских элит есть искушение использовать финансовый потенциал Запада, чтобы укрепить свои позиции, укрепить свои вооруженные силы, получить некоторые преференции и, может быть, привлечь американцев своим стратегическим положением.

Однако имеет место двойственность позиции самой России относительно ОДКБ. Вроде бы, нам нужна эта организация, но в то же время не чувствуется, что она является одним из наших приоритетов. Получается, что ОДКБ остается символическим политическим союзом, который дает возможность лидерам стран — членов ОДКБ апеллировать к России в качестве союзников и получать от нее больше преференций, при этом развивая партнерские отношения с Соединенными Штатами. А вот насколько Россия использует свое положение главной державы ОДКБ и государства, которое может оказать определенную помощь, — для меня это вопрос. Стороннему наблюдателю может показаться, что России нужна эта организация, чтобы ощущать сам факт наличия военно-политического альянса.

Но если мы действительно хотим создавать военно-политический союз, мы должны вкладывать деньги в него и создавать элиты, заинтересованные в этом военно-политическом союзе. Такие элиты есть в некоторых странах, например, в Армении, но далеко не везде. Мы должны будем оснащать вооруженные силы этих стран нашей техникой даже с определенными финансовыми потерями.

То есть рыночный подход к ОДКБ невозможен. США платят за все свои военно-политические союзы, Франция платит за все свои военно-политические союзы в странах Африки. Доходом здесь являются позиции в экономике, которые дает участие в военно-политическом союзе в качестве лидера. Например, США вложили огромные деньги в оборону Южной Кореи, но они получили доступ к южнокорейской экономике и, соответственно, получают доходы от своих инвестиций.

Вот если мы сумеем выстроить аналогичную схему, то ОДКБ будет оправдывать себя. Но сначала в него надо вложиться, его надо сделать частью политической психологии элит тех государств, которые в него входят. Этого сегодня как раз и не хватает.

ОРЛОВ: Значит, для утверждения жесткой силы нужна сила *мягкая*. Вы сказали, что *мягкая сила* американцев преувеличена. А *мягкая сила* России?

ПУШКОВ: Если посмотреть на практику СССР, она очень сильно отличалась от американской. Советский Союз создавал ориентированные на себя элиты по двум каналам: по каналу идеологии и по каналу материальной выгоды. Финансовые элиты, ориентировавшиеся на Советский Союз, были именно бизнес-элитами. Это были люди, которые приезжали в СССР, потому что это было модно и крайне выгодно. Европейские крупные кампании также находили свое место в советской системе. Таким образом, у нас в Западной Европе было лобби, которое работало на улучшение отношений с СССР.

И хотя сегодня в США такого лобби у России практически нет, все же, когда Обама рассматривал закон Магнитского, 350 американских компаний просили отменить поправку Джексона–Вэника, как бы ни сложилась судьба самого закона. В Европе таких компаний куда больше, и я думаю, что наши отношения с Германией из-за *Pussy Riot* и сексуальных меньшинств уже давно разлетелись бы в пух и прах, если бы не этот мощнейший якорь российско-немецких экономических связей.

Однако ситуацию осложняет тот факт, что мы утратили своих естественных союзников в западном мире, которыми были движения за мир и левые коммунистические движения. Поэтому встает вопрос, какую идеологию мы можем предложить тем общественным силам в Европе, которые ищут антитезы идеям доминирования США и политического и экономического либерализма? У нас нет такой идеологии. Половина тех людей, которые определяют экономическую политику России — это либералы прозападного типа, что при Б. Н. Ельцине, что при В. В. Путине. Таким образом, здесь мы являемся бледной копией западной либеральной элиты, просто повторяющей ее и в худшем варианте копирующей, и ничего дать не можем.

Есть ли у России какой-то резерв *мягкой силы* в идеологической сфере? Идеология играет определяющую роль в современном мире и очень серьезный конфликт ценностей, который у нас сейчас с Европой намечается, — это идеологический конфликт в новой форме. Тем не менее в этих сложных условиях, на мой взгляд, у нас есть несколько резервов *мягкой силы*. Вопрос в том, сумеем ли мы их использовать.

Первый резерв базируется на том факте, что мир нуждается в равновесии. Доминирующая позиция США в мире вызывает искажение равновесия, и это чувствуют очень многие, включая таких американских союзников, как Пакистан.

Россия — это страна, которая способна сыграть роль противовеса наиболее агрессивным действиям США, сейчас она это доказывает в Сирии, и поэтому пользуется значительной поддержкой в мире. Важность ее роли

существенно возросла, и половина Европы на самом деле согласна с нами в сирийском вопросе. Наш союз с Китаем в этом вопросе неслучаен: китайцы идут только на те союзы, которые просчитаны, и с партнером, который того заслуживает. Китайцы очень хорошо ощущают свою новоявленную мощь, и если они с нами идут на стратегический альянс по Сирии, значит, они считают, что у нас достаточно сил выдержать эту позицию. Итак, Россия может быть балансирующей силой в международных делах, и мы уже проявляем эту способность.

Второй резерв *мягкой силы* — область нравов. Россия сейчас становится оплотом гетеросексуальных союзов, и это не надо недооценивать. Дело в том, что либеральная революция, которая охватила Запад, будет продолжаться. Сейчас 14 государств признали однополые браки, в Израиле и Мексике не признаются однополые браки, но признаются однополые браки, заключенные за рубежом, на очереди Великобритания и Германия. Как только однополые браки будут признаны в Германии, это превратится в европейскую ценность, и ее начнут продвигать на уровне Совета Европы. В США 13 штатов признали однополые браки, и я думаю, что через какое-то время этому пути последуют и другие.

В этих новых условиях мир поделится на две части: на тот мир, который переживает либеральную революцию и идет по пути дехристианизации и ухода в либеральную *неоязычность*, и другой мир традиционных ценностей. При этом мир традиционных ценностей количественно крупнее. Да, у него будут еще потери: уже Уругвай и Аргентина признали однополые браки и, вероятно, в Латинской Америке эта тенденция будет продолжаться. Однако Россия выстоит, поскольку это не столько государственная политика, сколько традиционная ориентация российского общества.

В то же время на Западе поддержка однополых браков — это именно государственная политика, а не свободный выбор однополой культуры. Вы уже не можете выступать против однополых браков во Франции, за это вас могут лишиться работы. С моей точки зрения, это недопустимо — это новая либеральная диктатура.

Мне кажется, что от Китая до Турции такой подход не пройдет, и Россия должна очень жестко стоять на защите традиционных ценностей. Это наш колоссальный резерв в области *мягкой силы*. Россия как защитница традиционных ценностей получит поддержку огромного количества людей в той же Европе.

ОРЛОВ: Как традиционные ценности соотносятся с формированием гражданского общества? Один из важных элементов гражданского общества — неправительственные организации (НПО), в том числе и те, которые являются проводниками российской *мягкой силы*. Между тем российские законодатели здесь демонстрируют скорее охранительный подход, чем диалоговый.

ПУШКОВ: Американские или европейские НПО в своем подавляющем большинстве являются проводниками интересов и идеологий тех государств, где они были созданы. А у нас неправительственные организации — это в основном проводники интересов других государств и других позиций. Отсюда возникло настороженное отношение в обществе и в политическом классе к этим НПО. В обществе сейчас 61% респондентов, согласно опросам, считают, что НПО вообще не нужны, что от них только вред — этот сектор очень сильно дискредитирован в глазах населения. Однако это не значит, что мы должны отказываться от этого инструмента проведения своего влияния, распространения своей культуры, своего интеллектуального присутствия.

Я лично большой сторонник таких НПО, которые не противопоставляют себя обществу и государству и не являются де-факто иностранным агентами, а являются гуманитарным продолжением нашего общества и нашего государства за его пределами. Вот такие организации, мне кажется, нам надо всячески поддерживать.

Мы же еще только учимся быть новым государством, и эта учеба идет очень мучительно, — это длительный процесс. Американская политическая машина, с тех пор как США с 1945 г. превратились в глобальную империю, развивает и совершенствует свои структуры *мягкой силы*. А у России на это же было только два десятилетия. Я думаю, что мы как государство должны дорасти до понимания важности негосударственных форм осуществления своего влияния, и постепенно это произойдет. Хотелось бы, чтобы он шел быстрее. 🐘